

Ванда Хотомская

ЛЕОНЕК И ЛЕВ

Издательство «Детская литература»

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», МОСКВА
«ОТЕЧЕСТВО», СОФИЯ
«ФЕРЕНЦ МОРА», БУДАПЕШТ
«КИНДЕРВУХФЕРЛАГ», БЕРЛИН
«НАША КСЕНГАРИЯ», ВАРШАВА
«АЛЬБАТРОС», ПРАГА
«МЛАДЕ ЛЕТА», БРАТИСЛАВА
«МЛАДИНСКА КНИГА», ЛЮБЛЯНА

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ванда Хотомская

ЛЕОНЕК И ЛЕВ

Рассказ

ИБ № 6362

Ответственный редактор

Н. А. Терехова

Художественный редактор

Е. М. Ларская

Технический редактор

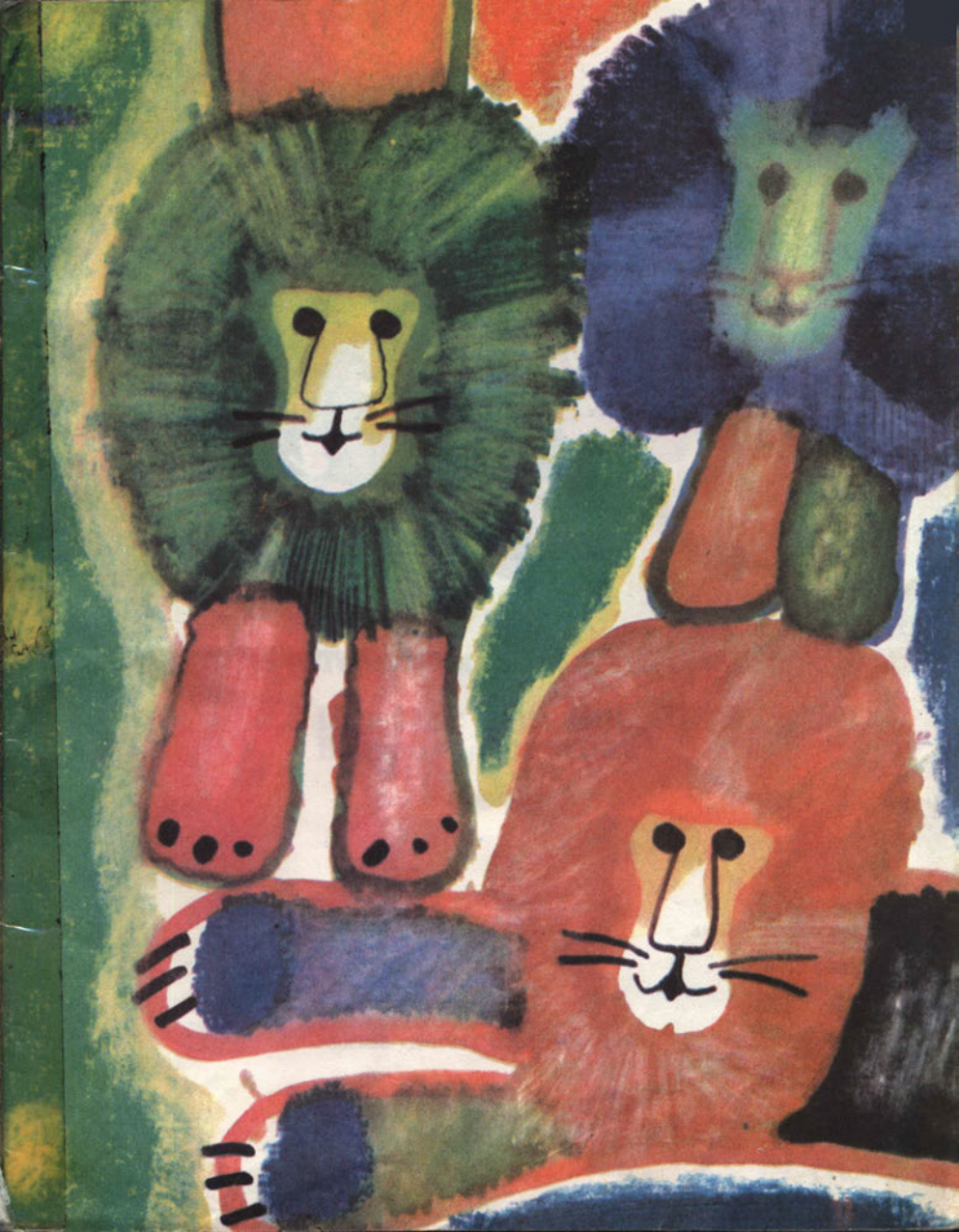
Л. С. Сидина

Корректор

Э. Я. Сербана

Сдано в набор 24.01.85. Подписано к печати 28.11.85. Формат 84×108¹/₁₆.
Бум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсет. Усл. печ. л. 3,36. Усл.
кр.-отт. 15,12. Уч.-изд. л. 2,93. Тираж 150 000 экз. Заказ № 496. Цена
25 коп. Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов изда-
тельством «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по
делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 103720, Москва,
Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени
фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного
комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли,
127018, Москва, Суздальский вал, 49.

Ванда Хотомская

**ЛЕОНЕК И
ЛЕВ**

**Рисовала
Тереза Вильбик**

**Перевёл с польского
Владимир Приходько**

Москва «Детская литература» 1985

Wanda Chotomska
LEONEK I LEW
Nasza Księgarnia Warszawa
1980

Мы встретились с Вандой Хотомской в Варшаве, на улице Там-ка. Это почти в самом центре польской столицы. Где-то внизу, под окнами и балконами, играли малыши. Их голоса были слышны, когда на миг замолкала пишущая машинка: Хотомская спешила закончить сказку для вечерней телепередачи. Знала, что дети наиграются, соберутся у своих телевизоров и будут ждать её сказок. И некоторое время она не могла ни с кем разговаривать.

Я понял, какая она: дисциплинированная, верная своему делу. Таким, по-моему, должен быть каждый человек.

Я сидел поодаль и листал её книжки: «Если бы киски ели ириски» и «Приключения ежа из-под города Згежа». И ещё одну — с названием «Всем смешно». И мне тоже было смешно. Смеялся я потихоньку, чтобы не мешать пани Ванде сочинять.

Потом мы говорили про дружбу наших стран, которую дружба писателей укрепляет ещё больше. Я уже знал, что мы подружимся. Но ещё не знал, что через несколько лет, закончив свои «Сказки 1001-й Спокойной ночи», Хотомская расскажет о Леонеке и о льве, а я переведу её рассказ на русский язык. Сейчас эта книжка перед вами: одновременно весёлая (очень!) и серьёзная (тоже очень!). Я надеюсь, она понравится вам, как понравилась вашим польским сверстникам.

Владимир Приходько

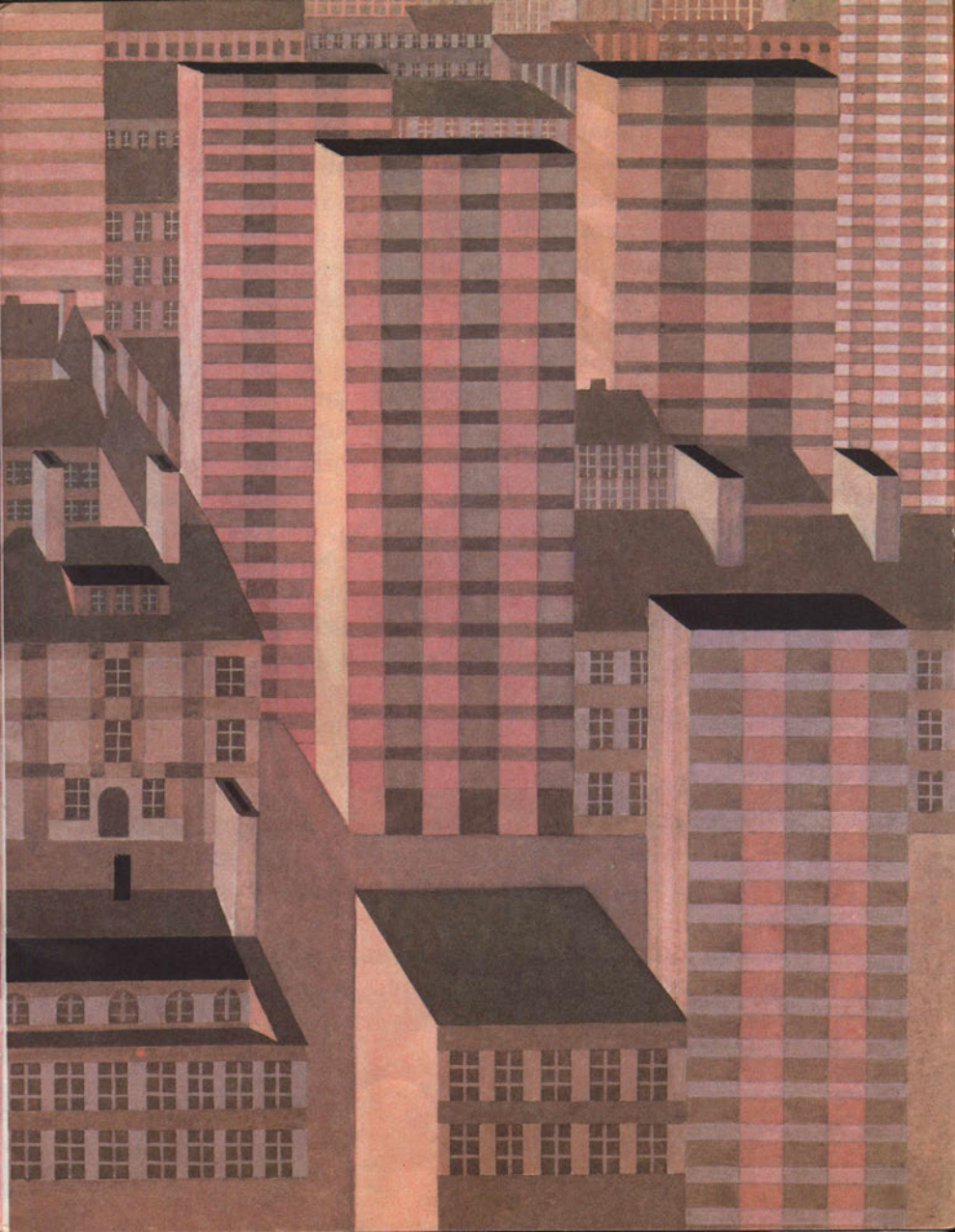

До сих пор Леóнек ещё ни разу не видел льва. А сейчас видит. Лев этот в клетке, ходит по ней, большой, золотистый, хвостатый. Как махнёт хвостом, как ударит по железным прутьям: та-ра-тах! Та-ра-тах!

Даже смотреть страшно. Даже клетка трясётся. Даже повозка вздрагивает. Ведь стоит клетка на повозке, а повозка на площади за большим шатром шапито. Зрители сюда не заглядывают. Табличка висит: «Посторонним вход воспрещается!» Только тем, кто в цирке работает, войти можно. Или если хочешь повидаться с приятелем.

Дядя с Леонеком и с двоюродным братом Леонека Вáльдеком тоже так вошли. Повидаться. Дядино-го приятеля зовут пан Вацек. В армии они вместе

служили, а сейчас дядя работает на фабрике, а пан Вацек в цирке — за животными присматривает.

Всякие тут животные: дрессированные лошади, танцующие краковяк собаки; даже со змеей, говорят, выступает одна пани. Но самое главное — это, ясно, лев. Ему даже змея не ровня. Куда же змеям со львами тягаться? У змеи только хвост, а у льва, кроме хвоста, имеются ещё и другие части. У него лапы. Целых четыре. Такие большие толстые лапищи. Он ходит на них, точно кошка, но уж если зацепит кого-нибудь такой лапой, то конец. Гривой потряхивает. Голова у него выдвигается из гривы, как из лохматого воротника, нос широкий, глазки-щёлочки, а зубы... Уй, какие у него зубы! Не перегрыз бы клетку!

Смотрит дядя на льва, смотрит Вальдек на льва, и Леонек, маленький мальчик, тоже смотрит, но украдкой, за дядю спрятался, держится за полу его спортивной куртки.

— Не бойся,— говорит дядя,— не бойся, Леонек...

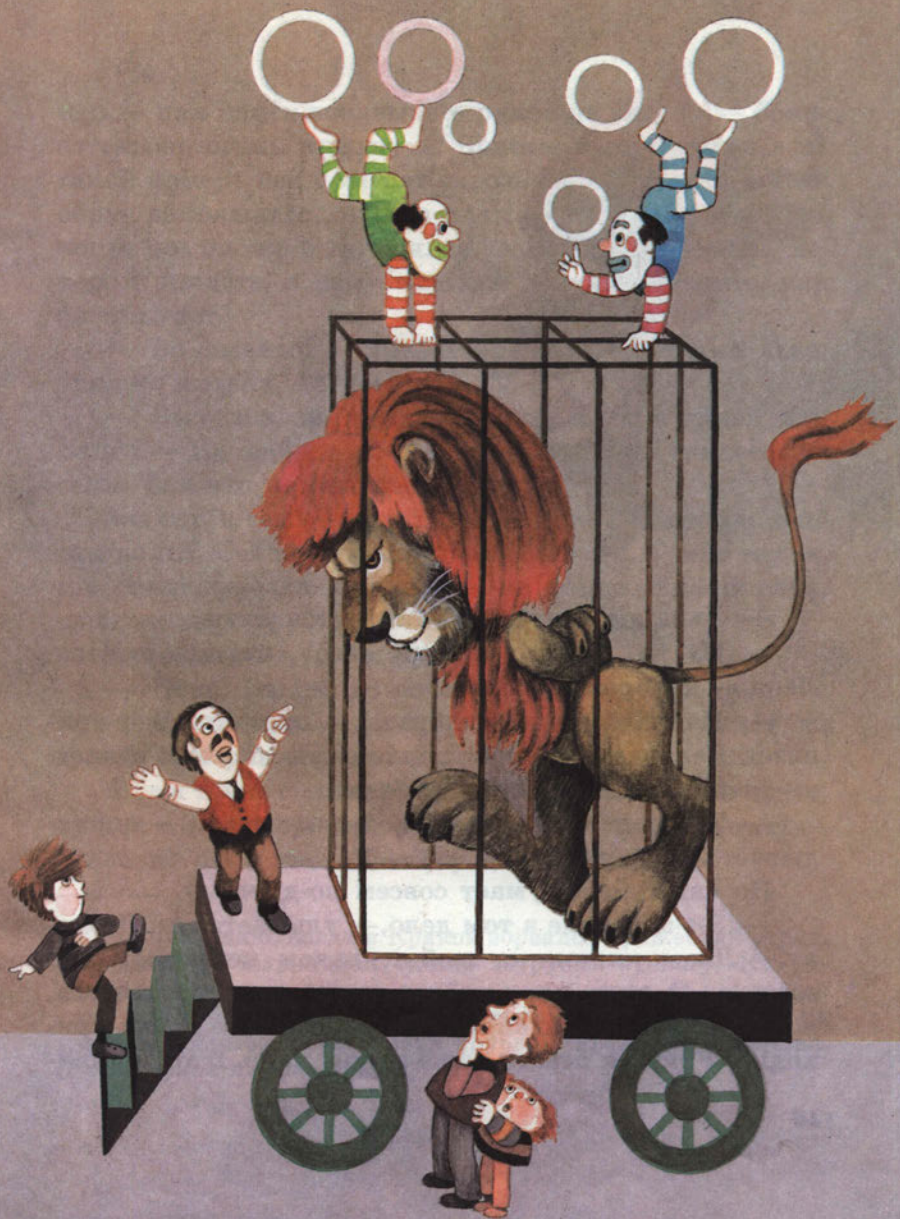
— Вот этого малого зовут Леонек? — заинтересовался пан Вацек.

— Леонек,— говорит дядя.— Приехал в гости.

— Приехал в гости овечий хвостик! — дразнится Вальдек.— Льва в клетке увидел — и дрожит как овечий хвост.

Но пан Вацек не слушает Вальдека. Пана Вацека интересует не Вальдек, а Леонек.

— Красивое имя тебе дали,— говорит он.— Львиное.

— Львиное? — вслух удивляется дядя.

— Ну да. Лев по-латыни «лео», отсюда и Леон. Леон — храбрый, как лев.

— Никакой он не храбрый! — презрительно кривится Вальдек. — В электричке ехать боялся, в лифт ни за что не хотел войти. Бояка.

— Так ведь он не городской, из деревни, — оправдывает Леонека дядя.

Но пан Вацек думает совсем по-другому.

— Э-э-э, нет, не в том дело, — улыбается он Леонку. — Львы клеток не любят, львам невозможно под замком. А тут пожалуйста: вагон — одна клетка, лифт — другая... А впрочем, храбрость не сразу приходит. Учиться отваге даже львам надо. Этот, напри-

мер,— пан Вацек показывает рукой на клетку — боялся сквозь огонь прыгнуть. Знаете, в программе есть такой номер: лев прыгает сквозь горящий обруч. Как обруч запылывает, он — в пламя. Так вот, и наш лев, когда помоложе был, боялся. А сейчас не боится. Вечером придёте, я вам билетики дам, посмотрите, как он прыгает.

— Во повезло! — ликует Вальдек. — Увидим льва, увидим клоуна Августа!..

— Выходит, до вечера,— прощается с дядей пан Вацек. — Не забудьте: представление начинается в семь. Так что не опаздывайте.

Значит, в семь — цирк. Но до семи, до вечера, ещё так долго. Сейчас только двенадцать, и с того места, где стоит повозка циркачей — жилище пана Вацека, слышен звук трубы: краковский хейнал¹.

Дядя сверяет часы.

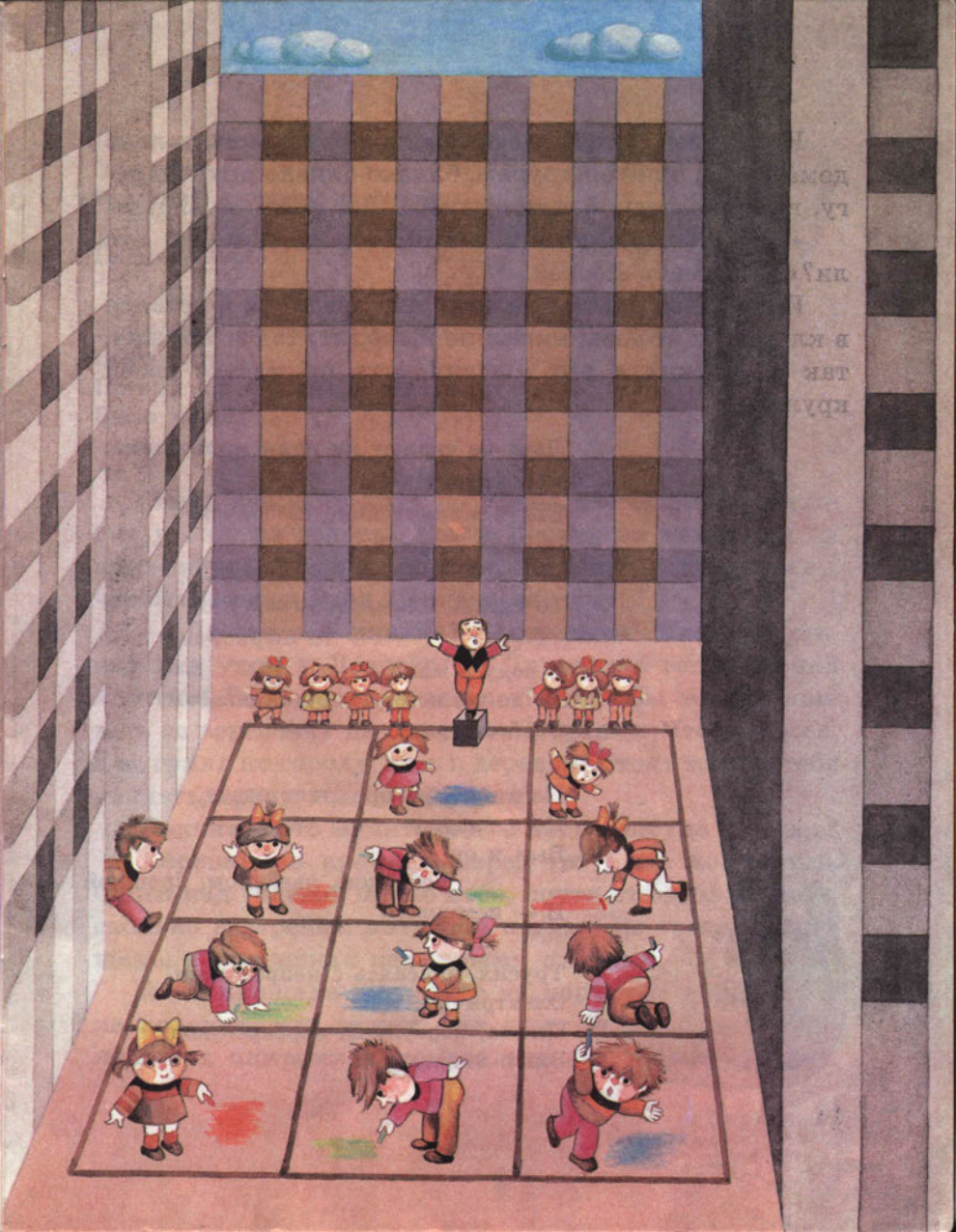
— Пока, Вацек, до вечера!

— До вечера...— повторяет Леонек. Он идёт за дядей, ещё раз оглядываясь на клетку со львом.

А там точно солнце мерцает — это лев выпагивает, трётся о прутья и уже не бьёт хвостом: та-ра-тах! — а словно бы машет Леонеку на прощание.

¹ По преданию, когда в Краков ворвался вражеский отряд, дозорный на Мариацкой башне затрубил тревогу. Но выпущенная из лука стрела попала ему в горло. В память об этом каждый день, в полдень, с Мариацкой башни раздаётся внезапно обрывающийся звук трубы — краковский хейнал. *(Примечание переводчика.)*

И вот уже улица, клетки со львом уже нет, только домá, домá, один за другим, близко-близко друг к другу, высокие, тесной толпой, неба над ними не видеть.

«Всё небо вымостили в этом городе домами, что ли?» — думает Леонек.

И про льва думает, потому что лев, хотя и остался в клетке, из головы никак не выходит, так и кружит, так и кружит в его мыслях, как по клетке своей кружил

Льву не скажет ни один мальчишка:

«Ты трусишка!»

Ехать в электричке не боится,

В лифт садится.

То сквозь пламя прыгнет,

то ныряет

В воду с маха.

То по тёмной лестнице шагает

Он без страха.

Но отвага не приходит сразу,

По заказу.

Был и он

ребёнком, львёнком, крошкой

И — немножко

Трусил, опасаясь с непривычки

Электрички,

Лифта, переулков, перекрёстков,

Злых подростков.

Пуще всех двоюродного брата
Он боялся.
Брат над крошкой львёнком
наглогато
Насмехался.

Безответно досаждал бедняге
Брат, бывало,
Потому что в малыше отваги
Было мало...

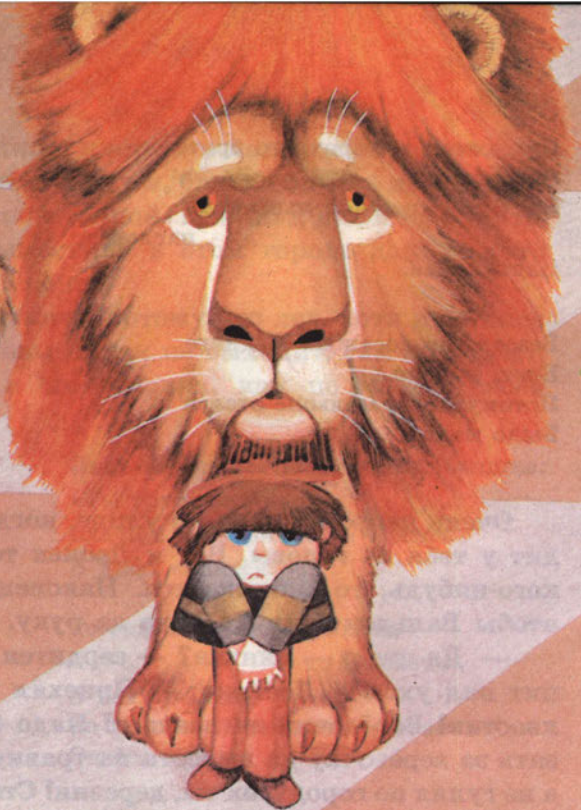
Очень непросто идти по улице, когда лев не выходит у тебя из головы. Вот и Леонек то наткнётся на кого-нибудь, то спотыкается. Наконец, дядя просит, чтобы Вальдек взял Леонека за руку.

— Да что я — нянька? — сердится Вальдек и шипит над ухом у Леонека: — Приехал в гости овечий хвостик! Верёвочки не хватает! Надо бы тебя привязать за верёвочку да вывести на травку. Чтобы пастись, а не гулял по городу, эх ты, деревня! Стоит только тебя увидеть, сразу ясно — деревня!

Кончится это мучительство когда-нибудь или нет?

Хорошо, по крайней мере, что дома кончились. Снова над головой полно́ неба, почти столько же неба, сколько в деревне, хотя под ногами не трава, а площадь, выложенная каменными плитами.

А на площади дети. Кто на корточках присел, кто на коленях, кто лежит, как кому удобней, наклонились над плитами, перемазались цветными мелками.

— Девочки и мальчики, дети-рисовальщики! — кричит в рупор стоящий на возвышении толстяк. — Все сюда! Кто хочет принять участие в конкурсе на лучший рисунок, прошу подойти ко мне за мелом. Беги, милок, бери мелок! Победители получают сладкие призы. Будете молодцами, одарим вас леденцами. Девочки и мальчики, оближете пальчики! Ко мне, юные художники! Мы рисуем на улице!

— Почти каждое воскресенье тут проводятся конкурсы на самый красивый рисунок, — говорит дядя Леонек и подталкивает его в сторону толстяка с рупором. — Иди! Вальдек уже побежал. Возьми у этого пана мелок, что-нибудь нарисуешь, может, и тебя наградят.

— На соседа не глядите, а рисуйте что хотите! — кричит толстяк.

— Иди же, Леонек, не бойся! — уговаривает дядя. — Можешь деревню свою нарисовать, лошадей, коров...

А мог, а мог разинуть зев,
Однако не для жалоб...
— Отличный, симпатичный лев! —
Вся детвора визжала б.

Дела неплохо шли сперва,
Пока не стало ясно:
Не встанет лев, не будет льва,—
И это так ужасно.

...Слезу напрасно не роняй,
А выхода ищи ты:
Свою мечту обороняй —
Мечте
Нужна
Защита!

— Вальдек! — громко, на всю площадь, кричит
Леонек.— Вальдек!

— Чего горло дерёшь? — поворачивает голову от
своего рисунка Вальдек.

Он рисует море. На море корабли. Перед Вальдеком
голубые трёхэтажные волны, кораблей — четыре,
а пятый — коробка с мелками. Все цвета у него в ко-
робке. Жёлтый — для всего льва, белый — на зубы,
а коричневый — это грива. Как раз подходят.

— Вальдек, дай мелок! — протягивает руку Лео-
нек.— Я не стану ябедничать, что ты дразнился. Кля-
нись, никому ни слова, только дай!

— Да ты и так не проболтаешься: ты меня забоишься,— пожимает плечами Вальдек.— Никаких мелков не получишь, отстань и катись подальше: мне на море такие чурбаки не нужны.

— Вальдек...— пробует попросить ещё раз Леонек. Даже руки сложил. Умоляет. Но всё без толку. Вальдек не смотрит, он отвернулся.

И опять слёзы в горле: у всех есть мелки, только ему не хватило, и ничего с этим, наверно, уже не поделать.

И вдруг откликается девочка, рисующая божью коровку.

— Постой,— говорит,— я могу дать тебе кусочек зелёного.

Жалко ей стало Леонек. Разломила свой зелёный мелок пополам, протягивает ему, смотрит на него из-под жёлтой шляпки, морщит веснушчатый нос.

— Тут возле меня есть место. Вот здесь, где лежит моя сумочка. Передвинь сумочку и принимайся за дело.

— А можно,— глотает слёзы Леонек,— зелёным мелком нарисовать льва?

— В лучшем случае,— вмешивается Вальдек,— зелёным ты можешь нарисовать огурец.

— Ты не слушай его, рисуй,— подмигивает Леонеку девочка.— Конечно, можешь нарисовать зелёного льва. Бывают же львы молодые-зелёные. Понимаешь? Недозрелые...

— И созревают на солнце? — допытывается Лео-

нек. Шёпотом, чтобы Вальдек не услышал и опять не вмешался.

— Вот-вот,— кивает головой девочка.— Маленькие львы зелёные, неопытные, а потом они созревают на солнце. В Африке. Если им слишком жарко, они прячутся под пальму. Пальму тоже можешь нарисовать зелёным.

Осторожно, чтобы не выпал мелок, осторожно, чтобы ни крошечки не просыпать, опускается Леонек на каменную плиту.

— Ты будешь прекрасным, мой лев,— шепчет он льву, которого ещё нет.— Я нарисую тебе уши, и ты услышишь, что я тебе скажу. Я нарисую тебе глаза, и ты увидишь, как ты прекрасен. И рот, чтобы ты мог со мной разговаривать...

— А жубы? — вдруг забеспокоился лев.

Отозвался! В самом деле отозвался! Заговорил! У него уже есть уши, есть глаза; зелёными глазами смотрит он на Леонека.

— Да, да! — уверяет Леонек льва.— И зубы тебе нарисую, потому что без зубов львы не считаются.

— А жубы льву нужны, чтоб ляггать и кушаться,— шепелявит лев, пока Леонек рисует ему зубы.

Ясно, ещё не все зубы нарисованы. Некоторых не хватает, а без зубов говорить трудно, и даже лев при такой нехватке шепелявит.

Но вскоре уже всё в порядке.

— А зубы льву нужны, чтобы лязгать и кусаться! — повторяет лев то же самое отчётливо, громко,

красиво, без всякой шепелявости. И скалит зубы.— Не пугайся, тебя я не укушу. У меня к тебе просьба: нарисуй-ка мне лапы.

Значит, сейчас лапы. Две спереди, две сзади.

— Одна... две... три...— считает лев; он следит, чтобы Леонек вдруг не забыл про какую-нибудь лапу, переднюю или заднюю, и чтобы случайно не ошибся и не нарисовал слишком мало или слишком много лап.

Но Леонек знает: у каждого льва должно быть ровно четыре лапы. И вот лапы уже нарисованы.

Получилось кривовато. Нет, не кривовато, просто лев поджал лапы под себя, но вот уже распрямился и мурлычет Леонеку:

— А лапы льву нужны, чтоб выйти прогуляться!.. Не пугайся, Леонек. Я далеко не уйду. Я только под пальму. В тень. Но, прежде чем изобразить пальму, нарисуй-ка ещё мне хвост.

Бз-з-з!.. Ого, да это муха села Леонеку на руку. Но у льва уже имеется хвост, лев махнул хвостом и доволен: смахнул муху.

Льву хвост необходим:
Шлепок — и мухи нету.
И можно жарким летом,
Как веером каким,
Обмахиваться им.

— Тебе не жарко? — спрашивает Леонек. — Если жарко, могу и не рисовать гриву. Без мехового воротника тебе будет гораздо прохладней.

— Ну уж нет,— решительно запротестовал лев.—

Рождаются на свет
Без гривы псы и лисы.
Но львов без гривы нет.
Но лев без гривы лысый!

— А сейчас уже не лысый? — хочет убедиться Леонек, рисуя великолепную львиную гриву.

— Здорово! — потряхивает гривой лев.— Я лапистый, хвостатый, зубастый и гривастый!

— И самое время посадить тебя в клетку! — захихикал над ухом у Леоника Вальдек и пятью росчерками чёрного мелка отделил льва от Леоника пятью толстыми чёрными прутьями.

Однако на льва это не произвело ни малейшего впечатления. Он даже глазом не моргнул, даже не взглянул на Вальдека, только повторил почти то же самое, что пять минут назад говорил Леонек. Но как повторил! Совсем по-другому. Таким голосом, что у Вальдека должны были забегать по спине мурашки.

А зубы льву нужны,
Чтоб лязгать и кусаться!

И — хруп! — перекусил все прутья.

А лапы льву нужны,
Чтоб выйти прогуляться!

И — хоп! — выпрыгнул из клетки.

А грива льву затем,
Чтоб враг лишился духу!

И — пуф-ф! — ошетинил шерсть и взъерошил гриву так, что она походила уже не на воротник, а на какой-нибудь султан. На огромный султан. Точно это была шляпа с плюмажем на голове у вождя индейцев, что ступает на военную тропу.

И сейчас пришёл черёд сказать самое последнее. Сейчас Вальдек должен был узнать вот что: хотя он и на две головы выше Леонека, хотя он старше, сильнее и вообще не какая-нибудь деревенщина, а настоящий городской ловчила-хитрован, но для льва это только муха, и стоит лишь хвостом махнуть, чтобы с ней покончить.

А хвост ему затем,
Чтобы прихлопнуть муху!

Вот что должен был сказать Вальдеку лев.

Но самое последнее сказано не было. Лев не успел открыть рот, как вдруг ни с того ни с сего пошёл дождь. Ненарисованный. Настоящий. Мокрый.

Как брызнет на площадь, на рисунки, на головы детей! Сразу возникло замешательство, все забежали и стали прикрывать своё художество, кто чем может — бумагой, носовыми платками, — только бы оно не расплылось под каплями, только бы вода не унесла его с асфальта.

Леонек сел над своим львом на корточки и заслонил его собой — спиной, руками, ладошками, сложенными козырьком. Ни одна капля не протекла сквозь пальцы. Рубашка на плечах вымокла, а лев был сухим.

И как раз тогда, когда мальчик укрывал льва от дождя, он краешком глаза увидел, как Вальдек потянулся к клеёнчатой сумочке, принадлежащей девочке в жёлтой шляпке.

Самой девочки не было, она крикнула: «Я вернусь! Я мигом — за зонтиком!» — на асфальте осталась только божья коровка в веснушках, которую старательно нарисовала девочка, и эта клеёная сумочка,

и Леонек спервоначала подумал: Вальдек взял сумочку для того, чтобы прикрыть ею свои корабли.

Но Вальдек и думать забыл про корабли. Они уплывали вместе с дождём, они тонули под подошвами Вальдека...

Вальдек открыл сумочку и вытянул оттуда кошелёк. Настоящий кошелёк. С деньгами.

— Вальдек, ты что?

— Заткнись! — Вальдек пригрозил Леонеку кулаком.

Он пнул ногой сумочку и спрятал кошелёк в карман.

— Ну всё! Мотаем отсюда. И цыц! Ты ничего не слышал, ты ничего не видел.

— Ты видел, — шепнул Леонеку лев. — Он большой, он сильный, но мы оба видели, что он украл, и должны ему помешать.

— А вот и видел! — громко сказал Леонек. — И я видел, и лев видел. Ты украл и обязан вернуть!

— К чёрту твоего льва! — разозлился Вальдек. — Брось эту мазню, и бежим!

И он изо всей силы дёрнул Леонека за ухо.

— Не плошай! — рывкнул лев. — Садись на землю, и он не сможет увести тебя отсюда! Хватай его за ногу! Укуси! Видишь? Он уже упал! Это ты его опрокинул!

И Леонек, маленький Леонек, не выпустил Вальдека. Они боролись, они катались по мокрому асфальту, пока не прибежала девочка в жёлтой шляпке, под

зонтиком, потому что дождь всё ещё моросил. И Вальдек отдал девочке кошелёк. Пришлось отдать. Что делать? Леонек заставил.

И когда всё уже кончилось, появился дядя. Он посмотрел на расплывшиеся по асфальту цветные пятна, потом на Вальдека, потом на Леонека.

— Ну что, ребята, ничего из вашего малевания не вышло?

— Вышло,— сказал Леонек.— Лев вышел.

— Но он расплылся,— покачал головой дядя.

— Нет! — быстро возразила девочка в жёлтой шляпке.— Этот лев, знаете ли, вселился в Леонека.

И она ушла. В жёлтой шляпке, под чёрным зонтиком, с клеёнчатой сумочкой на плече, с кошельком в сумочке. И ещё, минуя Леонека, сказала ему то, чего дядя уже никак не мог взять в толк:

— Кажется, я ошиблась. Не все львы созревают на солнце. Есть и такие, которые созревают под дождём...

